

[ВНИМАНИЕ! описанная в этом рассказе история — весьма специфическая. Если Вы не испытываете интереса к экстремальным практикам унижения, то лучше воздержитесь от прочтения. ]

Когда мы доехали, я успела закапать слюной пол под задними сидениями в машине... Мой ротик был забит моими же носочками, на лицо буквально натянут сапог, а руки и ноги скручены бельевой веревкой. В таком положении я провела уже где-то с час, пока мы ехали на дачу к Оле. Мне было немного страшно, но, по большому счету, глубоко внутри я была довольна тем, что со мной происходит. Ротик был наполнен терпким вкусом нестиранных носочков, я полной грудью вдыхала резкий запах давно ношеного сапога, а по моему подбородку стекала слюна. Это сочетание приятно щекотало нервы ожиданием продолжения и оттенком сожаления о том, что расстроила Олю. Это ведь так глупо, когда опущенная рабыня пререкается с настоящим человеком... Но это сожаление только добавляло адреналина мне в кровь — я знала, что со мной сегодня произойдет что-то особенное даже для меня... И вот, машина, наконец, остановилась...

— Приехали, выползай, сука! — Оля схватила меня за волосы и волоком вытащила на гравийную дорожку.

— О, опять своими помойными слюнями залила весь пол!

Я, сидя голой попой на дорожке, почувствовала, как кровь приливает к лицу... мне было стыдно. Действительно, сначала разозлила, теперь вот залила сточными водами изо рта пол в машине... Нехорошо...

— Ладно, потом уберешь, пошли за мной... Оля сноровисто развязала мои изрядно затекшие запястья и лодыжки. Наскоро растерев руки и ноги, я засемила за ней в дом. Естественно, на четвереньках...

— Слушай сюда, помойка. Ты меня изрядно разозлила сегодня, а значит придется хорошенько постараться сегодня. Работу я для тебя найду по профилю, не переживай. — Оля стояла надо мной, а я припала всем телом к прохладному полу прихожей, по-собачьи, всем видом выражая покорность и раскаяние...

— Ладно, хватит валяться, — Оля нагнулась ко мне и сноровисто распустила узел на колготках.

— Ну что, ждешь-то? Думаешь я к тебе прикасаться что ли буду? Освобождай свой мусоропровод, для него дело есть! — После такого окрика, я начала торопливо убирать от лица сапог и вытащила изо рта промокший насквозь носочный кляп. Подумав секунду, я засунула его в сапог. Когда я закончила свои манипуляции, Оля быстро через голову стянула футболку и молча подняла одну руку вверх. Моё сердце заколотилось быстрее... Пусть на улице было прохладно, но в машине-то жарко... Я приподнялась ровно настолько, чтобы дотянуться до её плеча и осторожно, самым кончиком языка, стала слизывать капельки пота с подмышки моей богини... Терпко-соленые, хоть и почти без запаха, они попадали в мой ротик и я тут же их торопливо сглатывала.

— Хорошо, теперь дальше. — Оля села на стул и вытянула свои прелестные, стройные ножки. Я снова сноровисто принялась за дело, обрабатывая язычком и губами чудные наманикюренные пальчики, слизывая пыль и пот с пяточек и ступней... Я мыла её ножки,

наверное, минут 15... Сердце быстро колотилось, кровь прилиwała к голове, я — симпатичная, образованная 28-летняя девушка стояла на коленях перед своей бывшей ученицей и подружкой и вылизывала её ноги, глотая грязь! Это абсурд, но мне казалось, что я делаю самое важное, самое нужное дело в мире. Я чувствовала себя на своем месте, занятая тем, чем мне должно заниматься. Поэтому горечь на моем языке не играла никакой роли, наоборот, я чувствовала радость от того, что занимаюсь таким грязным делом! Как же мне было хорошо в эти минуты унижения... Оля почувствовала это...

— А ну-ка хватит, корова! — Оля с размаху влепила мне пощечину! Одну, вторую, третью! Это было так неожиданно и резко, что слезы брызнули из глаз. Оля горстью схватила меня за грудь и сильно сжала.

— Как там твоё вымя, а!? Как там твоё отвисшее блядское вымя?! — я застонала сквозь зубы от сильной боли...

— Покайфовать, значит, вздумала, да? Ох, расслабила я тебя... Пойдем-ка на твоё положенное место...

Оля отпустила мои ноющие груди и достала из шкафчика собачий ошейник-строгач, на длинной цепи. Сноровисто одев его на меня, она быстро поднялась, накинула тапочки и резвой походкой вышла из дома. Я, ещё обалдевшая от резкой боли, поплелась следом, подчиняясь уколам ошейника...

— Значит так, сегодня, буквально через полчаса ко мне приедут гости. Много, больше десяти человек. Показывать им тебя и объяснять, откуда это животное у меня завелось я не собираюсь, они все не в Теме. Так что я тебя хорошенько спрячу. — Оля ускоряла шаг, явно, чтобы помучить меня ошейником, я едва поспевала за ней... Но дачный участок все же небольшой и бег очень скоро окончился. И вот тогда я натурально обомлела. Это было чересчур, даже для меня. Мы стояли перед дачным туалетом. И я, будучи неглупой вещью, догадалась, как меня будут прятать...

— Оля, я...

Пощечина.

— Олечка, милая...

Пощечина.

— Я же там захлеб...

Пощёчина. Бесплезно. Всё бесплезно. Это моя судьба и моё предназначение. Я опустила голову. Надо покориться и принять всё, как есть. Я — Олина вещь. Как зубная щетка, как тампон, как гигиеническая салфетка. А значит, она может делать со мной всё, что посчитает нужным. И это — правильно. Так и должно быть.

— Славно, а то я думала, что у меня галлюцинации. Помойка вдруг заговорила со мной. Это меня просто добило. Снова сердце бешено колотится и шум в ушах. Я — помойка. Я — говорящая канализация. Ходячая выгребная яма. Так к чему эти сомнения? Мне просто указали моё место...

— Давай-ка шевелись, а то скоро гости подъедут... — Оля нетерпеливо дернула за цепь. Но легкая хрипотца в голосе и заалевшие щеки выдали её с головой: не из-за гостей она беспокоится. Она хочет поскорее увидеть, как я залажу в выгребную яму её дачного туалета. Хочет видеть, как её бывшая учительница Елена Романовна окончательно превращается в самое опущенное на свете существо. Я, медленно переставляя ноги, стала подходить к туалету. А он, между делом, был уже приготовлен — одна из досок, накрывающих провал в каловую

бездну, была снята. Рядом валялись толстые резиновые перчатки. «Да, Оля-то аккуратистка, не хотела запачкаться...» — подумала я.

— Давай смелее, говноедка, твоя мечта сбывается прямо сейчас! — подбадривала меня Оля... Я поднялась на пару ступенек и глянула вниз. Моя мечта была ровной поверхностью буро-коричневой жижи, отвратительно пахнущей и отвратительно выглядящей... Я на секунду замедлилась...

— Да не бойся, ты, опущенка, там неглубоко специально сделано. Давай, прыгай. ну а утонешь вдруг, так не беда. В тебе и так уже столько отходов, что ты просто растворишься в говне без остатка.

И в самом деле, чего я боюсь? Ведь все важные решения давно приняты. Я просто шла по выбранной дороге и вот подошла к финалу. Я присела на крайнюю доску и спустила в зловонную дыру ноги. Они слегка коснулись поверхности... Надо же, тепленькая. Перенеся вес на руки, я, рефлекторно задержав дыхание, соскользнула вниз...

С утробным чавком зловонная яма приняла меня. Запах, и без того невыносимый, едва не лишил меня сознания... Когда ноги коснулись дна, на удивление твердого, над поверхностью осталась только моя голова. Тепловатая жижа обнимала меня нежно, словно родную дочь, и через считанные секунды я поняла, что голова кружится не от запаха, а от возбуждения. Я стояла по горло в чужом, застоялом дерьме и текла... секунду поколебавшись, я скользнула рукой вниз, нащупала половые губки и пальчиками оттянула их в стороны. Теплая каловая масса стала заполнять мою дырку и тут же меня сотряс оргазм... Я закатила глаза и запрокинула голову, приоткрыв ротик от наслаждения... И в ту же секунду в него прилетел смачный плевок.

— Эй, Лена-Унитаз, давай не увлекайся там. Реально захлебнешься ведь!

Я сглотнула Олину слюну и послушно кивнула, показывая, что я в норме.

— Вот и славно. Оля надела перчатки, поднатужилась и поставила убранный доску на место. Сразу же стало темнее. Теперь у меня над головой был только небольшой кружок, вырезанный в полу туалета, откуда проникал слабый, вечерний свет.

— Нет, так дело не пойдет. Твою помойную мордочку все равно видно на фоне дерьма. Люди могут увидеть, даже в темноте, не то, что при свете. Давай-ка ныряй.

Что ж, если Оля собиралась меня напугать этим требованием, то просчиталась. Я ожидала чего-то подобного и даже хотела. Задержав дыхание, я подогнула ноги и стремительно погрузилась в отходы... Темнота окутала меня... Я физически ощущала давление, окружающего меня дерьма... Оно пыталось проникнуть в каждую дырочку, в каждую пору моего тела. Может открыть рот? Разжать пальчики, зажимающие нос? Пусть вся эта грязь хлынет в меня и заполнит собой целиком... Но тогда я расстрою Олю... Просидев так больше минуты я всё же распрямила ноги и вынырнула из дерьма. Открыть глаза удалось не сразу, а когда я это все же сделала их тут же защипало... но, что удивительно, запах перестал быть таким убойным... Я уже нормально терпела его. Высвободив уши, я услышала Олин голос, даже, как будто бы, слегка обеспокоенный.

— Ты как там, жива, опарыш канализационный?

Вместо ответа я подняла над поверхностью дерьма указательный пальчик, медленно тягуче облизала с него зловонную жижу и показательно сглотнула, смотря прямо в глаза Оле. Вкус был просто чудовищно мерзкий. Но я проглотила всё и ни один мускул не дрогнул на моем лице.

— Ну, я смотрю ты тут нормально устроилась. Давай, не скучай. Скоро подтянутся гости и станет веселее. Главное, не отключайся, утонешь. — с этими словами она отошла от дырки в полу, вскоре хлопнула дверь и стало совсем темно. Я прислушалась к своим ощущениям. Запах теперь меня уже нисколько не донимал, мне было тепло и как-то даже уютно... Когда затихли Олины шаги, я стала улавливать только гудение навозных мух. В углах выгребной ямы и на досках белели опарыши. Я улыбнулась. Я была среди своих.